

Рыцарь волшебной лампы

“Лопнувшая струна” на канале “Культура”

Документальный фильм “Лопнувшая струна”, недавно показанный каналу “Культура”, посвящен известному режиссеру Владимиру Штейну, создателю театра “Волшебная лампа”, если хотите, классического кукольного театра. Однажды во время спектакля Штейна на кукольном фестивале в Бельгии его актеры догадались по реакции зала, что кто-то из зрителей понимает по-русски. Оказалось, болгарские артисты. Когда после спектакля их познакомили со Штейном, они с большим удивлением разглядывали человека, которого, по их словам, “походили” в институте. Штейна “походили” и многие из нас — как мы, как родители, как профессионалы, наконец.

Фильм вышел горьким: 14 октября 2000 года его героя не стало. Он закрыл за собой дверь и, никого не потревожив, будто растворился в “черном кабинете”, как мастера, это делают его актеры и куклы. Однако фильм вышел и радостным, куколку воздаст должное человеку, который прожил свой век цельно, оставив после себя многого учил, любил, и тех, кто любил его. По сути, это один большой диалог его вдовы, его художника участника, Марины Грибановой, с фильмом (режиссер А.Павлов), переселенными фотографиями семейного архива, давними интервью режиссера, любительскими кадрами куклы, запечатлевшей будни создателя “Волшебной лампы”.

Штейн любил цитировать Толстого. Библия гениальна не замыслом, подробностями. Подробностей творения Штейна немало. Детский кукольный кружок он посещал вместе с Сергеем Никоненко, изве-

стным впоследствии актером; Виктором Татарским, не менее известным чтецом и радиоведущим; и Леонидом Нечаевым, будущим кинорежиссером. Первая театральная учительница, Евгения Васильевна Балкина, пережив своего ученика, вспоминает о нем в фильме все еще как о милом талантливом мальчике...

Когда Штейн поступал на актерский, кто-то из педагогов его “приговорил”: “Вы слишком умны для артиста”. Он решил попробовать себя в режиссуре. В советские времена для этого требовалось “узнать жизнь”. Что он и делал сначала в Доме пионеров, где набрал, по существу, свою первую театральную труппу; потом у Охлопкова, на репетиции которого ходил, как на работу; в профессиональной школе у Сергея Образцова, где поставил свой дипломный спектакль “Солдат и ведьма”; в кукольном театре Уфы, где появился его легендарный “Белый пароход”. Об этом напоминает кукла Мальчика, до сих пор висевшая в его кабинете, и эскиз: белая лошадь с кровавой дырочкой-звездочкой во лбу. (В свое время Образцов, абсолютный авторитет для кукольников, сказал Штейну, что это поставить в кукольном театре невозможно, но, посмотрев спектакль, говорят, даже плакал.) Потом была безработица, Московский театр кукол на Бауманской, спектакли в Доме ученых, наконец, “Волшебная лампа”... Была и борьба — когда обвиняли Бог знает в чем. Были печали — например, когда Образцов не взял его обратно в театр, сказав, что два лидера в одном коллективе — это многовато. Было и предательство, когда уходили актеры. Была, наконец, болезнь. Последние

годы он был прикован к инвалидному креслу, но актеры привозили его на каждый спектакль, и этот ритуал ничего не менял в его жизни, наполненной Делом.

В определенном смысле его судьба — типичная судьба русского интеллигента: азарт самообразования, порядочность и книжечество, отношение к профессии как к служению, страсть к театру, который, естественно, был больше, чем театр. Марина Грибанова, смеясь, признается, что ей иногда казалось: муж любит своих актеров больше, чем собственную дочь.

“Волшебная лампа”, где подросло уже второе поколение зрителей, как обычно, зажигалась в переулках Сретенского бульвара. И за крылечком под резным козырьком начиналась другая страна, эдакий городок в табакерке, где жили по своему, по главному закону. Здесь не ленились с детьми разговаривать и до спектакля, и после, не ссорясь, но жестко сознавая, что хорошо, что плохо, становились частью общего творимого волшебства. У Штейна было свое представление о том, какими должны быть воспитанные дети, что они должны читать и что они должны читать. Он их подталкивал размышлять о жизни и о счастье. Учил не только смеяться, но и плакать, сострадать чужому горю. В его театре часто бывали детдомовцы, дети с замедленным умственным развитием. Он открыл при театре Центр реабилитации детей-инвалидов. Фильм запечатлел счастливые лица мам этих детей, которые наблюдают, как они под водительством Владимира Михайловича поют и “играют в театр”. Он был твердо уверен, что театр кукольный и детский должен быть

продолжением высокой литературы, именно через нее закладываются в ребенка главные человеческие заповеди, определяется все направление его взрослой жизни.

Конечно, он был Рыцарь, романтик. Рыцарь Печального Образа, наивный и несовременный по сегодняшним меркам. Но вера его в свою правоту была железной. Был он и Рыцарем Прекрасной Дамы, которая разделяла и его веру, и его служение. Она тоже героиня этого фильма. Сейчас в театре она, как называют ее дети, “самая главная”. Марина Грибанова не закрыла

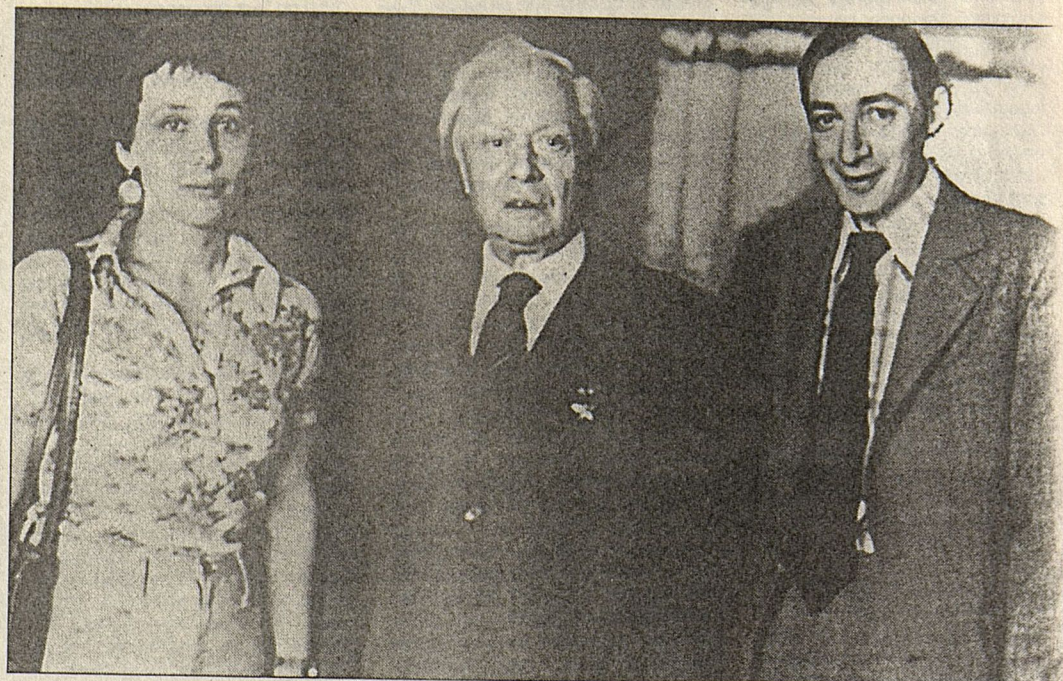
“Лампу” на большой висючий замок, а решила продолжать то, что больше всего любили и умели делать они со Штейном. В том, как она говорит об этом в фильме, нет пафоса. Есть счастье припоминания.

То, что “Волшебная лампа” попала в этом году в список номинантов на Государственную премию (ее выдвинула Международная организация “Добро — без границ”), — совершенно удивительный факт. Хотя бы потому, что в последние годы акт получения главной премии страны превратился, увы, в обыденный ритуал борьбы и сравнения вещей,

М.Грибанова, С.Образцов и В.Штейн

не сопоставимых по художественным меркам. То, что “Волшебная лампа” должна эту премию получить, — бесспорно, я думаю, для ее взрослых зрителей. Но много ли нас таких? Однако в данном конкретном случае это был бы акт не только художественной, но и политической значимости — потому что “Волшебная лампа” делает то, о чем наше государство мало и плохо заботится. Она воспитывает юных граждан страны, которые, может быть, и составят ее новую славу и счастье.

Наталья КАЗЬМИНА

Штейн — Владимир

29

588